

Олег Ф. Жолобов*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВИННОГО СЧЕТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛОВИННОГО СЧЕТА

В северных индоевропейских диалектах получили распространение составные числительные со значением ‘один с половиной’, ‘семь с половиной’, ‘пятнадцать с половиной’ и т. п. Кроме балто-славянских языков эти числительные встречаются в датском и шведском языках, а также в неродственном, финском, языке (Comrie 1992: 814–815). Числительные половинного счета представлены во всех славянских группах, что позволяет реконструировать праславянские формы. Как и в упомянутых языках, в праславянском модель половинного счета имеет следующий вид: **polъ vьtora*, -у ‘один с половиной’, **polъ se(d)ma*, -у ‘шесть с половиной’, **polъ šesta*, -у *na desete* ‘пятнадцать с половиной’ и т. д. Формы порядковых числительных являются родовыми. Их особый морфосинтаксический характер подтверждается устойчивым сохранением именных (нечленных) форм порядковых числительных во всех славянских языках. Ср. примеры половинных числительных в серболужицких языках (нижнем и верхнем), которые отличаются сохранением значительного числа грамматических архаизмов: *póltera*, *połdra* ‘один с половиной’; *połpěta*, *połpjata* ‘четыре с половиной’; *póldwažasta*, *połdwaceta* ‘девятнадцать с половиной’ и под. (Mucke 1891: 447).

2. ПОЛОВИННЫЙ КВАНТИТАТИВ В РАННЕДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чрезвычайно отчетливо частеречная природа числительных выступает в последовательном противопоставлении членных форм порядковых числительных в свободном употреблении и именных форм порядковых числительных в составе конструкций половинного счета. Прилагательные, с которыми зачастую отождествляют порядковые числительные, ни в раннедревнерусском языке, ни тем более в праславянском языке не связаны с последовательным разграничением членных и именных форм.

* Uniwersytet Kazański.

Поскольку считаеые предметы могут иметь сложноеосоставное или дробное строение, порядковые числительные при счете таких предметов фиксируют целое число, предшествующее порядковому числительному, и указывают на переход к счету частей последующего предмета. Ср.:

на азъгоутѣ и на погощахъ ꙗкоунъ семѣѣ гр(в)нѣ : доубровьнѣ на хрипанѣ : :ѣ
 третьѣ гр(в)нѣ ГрБ № 526 (2 тр. XI).

Эта особенность порядкового счета сейчас ярко выступает в типичном определении возрастной хронологии. Ср. такой счет в обычном диалоге:

- Сколько сыну лет?
- Десятый (идет, пошел).

Числительное *десятый* в ответе подразумевает, что мальчику исполнилось полных девять лет, а после этого прошло еще какое-то время.

Именно подобная логика при употреблении порядкового числительного выступает в следующей позднерусской записи:

уть рж(с)тва гѣа до сего лѣта ꙗкоунъ лѣтъ и две сте летъ и шемь десѣтъ лѣтъ и три лѣта · а на четвертое лѣто псана ГрС, 66 (1284).

В половинном квантитативе порядковое числительное обозначает целое число единиц, предшествующее порядковому числительному, и половину названной числительным единицы, т. е. **поль третья voza* – это ‘два с половиной voza’. Числительное в этой конструкции всегда получало согласовательную форму РП, употребление которого обуславливалось зависимостью от существительного **поль*, которое выступает в счетно-количественном значении. В Р–МП употребляются исконные формы ъ-основ *полоу*. Как и следовало ожидать, полнее всего этот морфосинтаксический образец представлен в хозяйственно-бытовых текстах – в берестяной письменности. См.:

2½

радѣѣ не възато *поль третьѣ* гривнѣ ГрБ № 799 (посл. четв. XII); а гриди *поль третьѣ* <гривь>нѣ оклада же 788 (1 четв. XIII);

3½

по *пол<оу цетвь>рътѣ* н<а> мѣсѣчъ ГрБ № 806 (посл. четв. XII); ѿ игната къ климѣѣ възми оу доушилѣ ... *поль цетвьртѣ* грѣнѣ 381 (XII); възми *поль чветвьртѣ* <так!> гривни 219 (к. XII – 1 четв. XIII);

4½

а не присълещи <так!> ми *полоу пѣты* гривны а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новьгорожанина ГрБ № 246 (XI)¹; несъдищевѣ *поль пѣтѣ* рѣзанѣ ГрБ № 238 (к. XI – 10

¹ В издании отмечается, что эта грамота имеет смоленско-полоцкое происхождение.

ХП); § городила ·е· къ куне · § пѣтатѣ *поль пѣте* ГрБ (ст.-р.) № 5 (ХП₁); оу орышине *поло пѣть* рѣзане 21 (ХП₁); оу милокѣ ѡкме : *пло пѣтѣ* 21б (ХП₁);

5½

а § моисеѡ *поль шесте* гривне кѣнами възьми ГрБ № 710 (сер. ХП);

6½

ж миратѣ бес *полоу семе* коунѣ ·ѣ· вне <так!> ГрБ № 631 (10–40 ХП); на полти *по(л) ·з·* рзне 609 (ХП/ХП₃);

7½

а за мною *пло осмь* гри(внь) ГрБ № 621 (50 ХП – 10 ХП₃);

8½

поль дѡвѣть ГрБ № 721 (40–70 ХП)²; а тѣ сѣрочѣке и *поль дѡвѣть* ... 681 (50–90 ХП); сморочѡва рала заплатила *пло дѡвѣть* кѣне 663 (80–90 ХП);

9½

§ тодорѣка *поль десѣт* <е> грѣнѣ серебра ГрБ № 710 (сер. ХП); оу медовеника десѣть коуно <оу> ...жанина *поло десѣте* коуне 833 (сер. ХП); на ·ѡ· ·коуноу безѣ *полоу ·ѣ·* кне ... на рѣжи *поль ·ѣ·* коуне 609 (ХП/ХП₃).

Порядковые числительные имеют диалектные формы РП жен. рода на *-ѣ*, а не на *-ы*. Они последовательно отражают обобщение мягкого склонения. Орфографические особенности берестяных грамот проявляются в варьировании РП жен. рода на *-ѣ*, *-ь*, *-е*. Исконная форма встретилась в грамоте, которая имеет смоленско-полоцкое происхождение (см. Зализняк 1995: 254):

а не присѣлещи <так!> ми *полоу пѣты* гривны а хоцоу ти выроути въ тѡ лоуцѣшаго новѣгороджанина ГрБ № 246 (ХП).

Числительное ‘1½’ в берестяных грамотах встречается только в новой форме *полоутора*, *полоуторѣ* < *полоу вѣтора*, *полоу вѣторѣ*. Ее развитие в берестяных грамотах обусловлено, как полагает А. А. Зализняк (1995: 149, 317), фонетическим характером *в = w*. См.:

во полоуторѣ гривнѣ <не> ГрБ № 831 (сер. ХП); оу даброжира <так!> *полоуторе* : оу ѡрѣшековее даѡвѣте <так!> 228 (60–90 ХП).

Следует уточнить, что это изменение скорее всего являлось позиционным: губно-зубная артикуляция *в* испытывала воздействие предшествующего сильноогубленного *у*. Ср. в книжном источнике иной диалектной принадлежности:

столь же малѣ повелѣ сѣтворити ·ѣ· лакѣтъ въ дѣльготу · а въ ширину *полоуторы* пѣди СБУ ХП/ХП₃, 131б.

² Фрагментированная грамота.

Половинный квантитатив числительных ‘11’–‘19’ выражается по тому же образцу на основе соответствующих порядковых числительных. Ср.:

10½

оу дьмитра *пль* : *а̣:ѣ* гривень ГрБ № 168 (30–50 XII); на овсе *поль* ·*а*· на ·*ѣ* кне 609 (XII/XIII).

Половинные значения составных числительных от ‘20’ до ‘90’ выражались на основе порядковой формы первого числительного, обозначающего единицы и согласованного с числительным ‘10’ в РП *десѣте*. Порядковое числительное в этом случае обозначало предшествующее ему целое число десятков и половину названного десятка, т.е. ‘5’. См.:

35

а § ильке възьми § медын<и>ц<а> *поль четверьта дес<ѣте>* р<е>зань ГрБ № 710 (сер. XII); въ *поль четверьта десѣте* гривень Надп XII³;

45

ѣ̣ домагости къ хотѣноу ѣзьскѣ роздробили *поль пѣта десѣте* гривень ГрБ № 902 (XI/XII).

В половинном квантитативе, по-видимому, нельзя выразить значение ‘95’ (ср. ‘9½’), поскольку ‘90’ является верхним уровнем счета, а далее следовала начальная единица нового уровня – ‘100’. Любопытно, что этой особенностью соответствует развитие нового числительного *девяносто*.

Порядковое числительное *първъ* в простом половинном квантитативе не употребляется, так как *поль* имеет искомое значение ‘½’:

на нѣжкѣ на прѣжневици : *поль* : *гр(в)нѣ* ГрБ № 526 (2 тр. XI); грамота отъ ілії отъ дьмитра пльсковѣ ко либинѣ : ко мостокѣ то ти мѣтьль въ *поло гривнѣ* 776 (30–50 XII); ножевь ·*н*· *поль грѣнѣ* 438 (XII/XIII) и под.

Вне половинного квантитатива в берестяных грамотах, как и в других текстах, употребляются лишь полные формы порядковых числительных:

ми не присьлещи <так!> то *девятное* лето ГрБ № 246 (20–50 XI); на азьгоутѣ и на погошахъ ѣ̣: коунъ *семѣтѣ* гр(в)нѣ : доубровнѣ на хрипанѣ : ·*ѣ* *третьѣтѣ* гр(в)нѣ 526 (2 тр. XI); димитриѣ хрѣстину а на *другои* евана марие : а на *третьеи* евана а *четвертой* сьмьона 602 (20–50 XII); на *третьемъ* ·*д*· 609 (XII/XIII); а *третеее* <сани> возале 601 (XII/XIII)⁴.

³ Эта датировка А. И. Соболевского приводится в новой публикации надписи у А. А. Медынцева (2000: 116–117), которая дает другую датировку – конец XII в. – рубеж XII–XIII вв. Оценка А. И. Соболевского более реалистична в лингвистическом отношении.

⁴ Последний пример особенно показателен. Членная форма сохраняется даже в случае стечения одинаковых гласных звуков и букв.

В других памятниках, где в этот период встречается половинный квантитатив, могут быть указаны лишь единичные его примеры⁵:

а пазь датель роукою своєю · и осеньюе полудие даровною *поль третия десяти* гривень Гр ок. 1130⁶; а оного засьлавше въ съвабы · държаша *поль третья* лѣта СБУ XII/XIII, 107a (ЖМ)⁷.

Половинный квантитатив встречается в переводных текстах:

хѣвъ же оугодникъ. за *полоу вътора* лѣ(т) въ змурьскѣмъ стражищи. съ блгодариемъ тьрпаше вса ЖФСт к. XII, 141 об. (ἐπὶ χρόνῳ ἐνὶ καὶ ἡμίσει)

Примеры доказывают, что половинные обозначения не имели жанрово-стилистических ограничений.

В переводных памятниках используется также иной образец половинного счета – с прибавлением *поль* ‘1/2’ к числу, обозначенному количественным числительным. Судя по греческим параллелям (см. также ЖФСт к. XII, 141об.), это кальки:

з. *лѣтъ и поль* ПсЧ XI, 116б; сътвори въ неи *дѣвѣ лѣтъ и поль* ПС к. XI, 63 об. (δύο ἡμισυ χρόνους).

В УСт к. XII встречаются почасовые обозначения времени с помощью конструкций, в которые входят существительное *половина* и порядковое числительное:

Вѣсто юсть · яко праздникъ пр(д)тча · вса ранѣе подобаеъ быти · паче прочихъ дѣвъ поста · и клепати · ꙗ· чл(с) · въ *половиноу третиаго* чл(с) дне · а шести въ *половиноу четвъртаго* · а деваты чл(с) · патуому чл(с) коньчлвающоу 146.

3. ДИНАМИКА ПОЛОВИННОГО КВАНТИТАТИВА В ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД

Половинный квантитатив первоначально являлся морфосинтаксическим образованием, идиомой, поэтому все нумеративные формы в нем были связанными. В нем, как было показано, отложились архаичные

⁵ Однако примеры половинного счета есть и в поздних списках ранних памятников – например, летописей. См. 3.19.

⁶ Т. е. ‘25’.

⁷ Оба примера из оригинальных славянских текстов. Второй текст переписан с древнеболгарского Жития Мефодия.

именные формы порядкового счета. Поэтому искусственными, гиперкорректными следует считать членные формы, которые встретились в КН 1285–1291:

и ·ā·и ѡбразъ до *полоу ·й·го* дни быти рѣша ·ѡ·е же ѿ *полоу семаго* до ·г· до ·ѣ· КН 1285–1291, 566б.

Во всех других случаях генотип сохранен без перемен. Более того, архаичные числительные половинного счета использовались и в старорусской разговорной речи (Жолобов 1998: 228–229). См.:

оу милого<ст>- *полоу пать* деже ГрБ № 320/337 (XIII/XIV); стадии имоуца ·м· бываѣмыа версты *поль семы* ГА XIV₁, 92б; городецьке *поль паты* ·гри(в) УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV, 631б; по рукописанию възале рубель ·а прочи рукописаниа ·*полоу третиа* рубля ГрБ № 689 (60–80 XIV); да сего тридесате ·и *поль сема* дѣе ·накоже рѣхомъ се естъ десѣтина ПНЧ к. XIV, 194г; пань староста творъань. възаль. на твою потребы ·й· гривенъ. и *поль третье* гривны. половица тѣхъ пѣназии ГрЮЗ № 18 (1386–1418).

Нет надежных свидетельств в пользу универбации половинных числительных. Напротив, можно привести доказательства самостоятельности и раздельности членов в половинном квантитативе. Об этом говорит буквенная цифирь в поздних источниках и удивительный пример со словесным дублированием цифири, а также правильное употребление Р–МП *полоу*:

ре(ч) жена *поль ·ѣ·а* хлѣба принесохъ СбЧуд к. XIV (1), 64б; *поль ѣ трети* <так!> ржи ГрБ № 161 (10–20 XV); и стоаша *поль ·ѣ·* не(д)лѣ. И не възпѣвше ему ничтоже ЛИ ок. 1425, 182 об.; и не доплатилъ коуморде ·ѣ· гривенъ серебра ·и *полоу третие* гривне серебра ГВНП № 332 (н. XIV).

Тем не менее есть основания полагать, что тенденция к универбации все же действовала и, таким образом, половинные числительные в это время воспринимались двояким образом: традиционно – как идиомы *поль сема*, *поль осма (года)* и под. И по-новому – как универбы *полсема*, *полосма (году)* и под. О новом восприятии свидетельствуют следующие факты. Хотя *оу* в *полоутора* ‘1½’ первоначально, вероятно, отражало артикуляционное слияние сильноогубленного *у* с губно-зубным *в* (или – диалектное смешение *оу* [w] и *в* [w]), форма *полтора* свидетельствует о том, что итогом собственно фонетического изменения стало переосмысление числительного и утрата исконной связи с числительным *въторь*. Ключевым моментом в данном преобразовании стало переразложение *полоу вътора* > *полоутора* > *полоу-тора* на фоне Р–Д–МП *полоу*, откуда после обобщения компонента –*тор(а)* возникла новая форма И–ВП *пол-тора*. См.:

ть имаша на нихъ нѣ съ *полоуторы* тысяще грѣвнъ ЛН XIII₂, 18 об.; избѣша ихъ *полоутора* · ста 23

vs.

польра <так!> роубля сѣрѣбромъ ГрБ № 500 (20–30 XIV)⁸; *по(л)торы* коробки соли у старостѣ 568 (40–70 XIV); а в ней *по(л)тора* (с)та семьи АСВР, III, № 322 (1371); ѣхали бо бѣху по повелѣнью Ростовець противу князема · с *полторы* тысящѣ ЛЛ 1377, 126; вотола в *полтора* <рубля> ГрБ № 521 (XIV/XV); тѣхъ же · ѣ · локо(т) а нашихъ · ѣ · тѣхъ ли ѣ · а нашихъ *польторы* тысоущѣ Пал 1406, 51в; Глѣбъ же посла · брата своего Михалка · и съ нимъ Переяславѣць · сто · а Берендѣевъ · *полторѣ* тысяще ЛЛ ок. 1425, 198 об.; и ѣша ихъ · руками · *польторы* тысящѣ 199; и(м) да(т) за то село вкладѣ на престо(л) *по(л)торы* тысящи рѣбле(в) АСВР, I, № 71 (ок. 1430).

О тенденции к универбации могут говорить новообразования в половинных обозначениях десятков. Вместо постоянного синтаксического форманта РП ед. *десѣте* здесь стал употребляться РП мн. *десѣтъ*, являвшийся постоянным членом в числительных '50'–'80'. На универбацию указывает и вызванное безударностью сокращение гласного *десѣтъ* > *дѣсѣтъ*⁹. См.:

ис<п>равить по изростомо *поло третьѣа дѣсѣто* гривно сѣрѣбра ГрБ № 61 (30–60 XIII); пришли бо бѣху въ *полоушестадѣсѣтъ* шнекъ ЛН XIII₂, 32 об.; слоуживъшю ѣмоу ѣ стѣго иякова *польпѣтадѣсѣтъ* лѣ(т) 48 об.;

отсюда –

А скота рогатого воловъ и коровъ и телѣ(т) малы(х) *по(л) семадесѣ(т)* АСВР, I, № 71 (ок. 1430).

На универбацию числительного '25' повлияли новые формы числительного *трицѣтъ* < *тридесѣтъ* < *тридесѣте*:

а ржи кадъ · по · ѣ · грѣвнъ · а въ дворехъ · по *по(л) ѣ* · ЛН XIII₂, 111; дати имъ на вербнищю безъ · ѣ · сту. и безъ *полутрѣтиадѣчати* сѣребра. въ низовьскыи же вѣсѣ ГВНП № 11 (1317)¹⁰; а възлъ есмь оу старца оу кирила посильице, *польтрѣтыцѣтъ* бѣлъ АСВР, II, № 8 (1397–1427); и пожень не и(с)кали за *по(л)трѣтыцѣ(т)* лѣтъ АСВР, I, № 373 (1467–1474).

Половинные обозначения сотен и тысяч не претерпели изменений:

А изъ рѣшювьской волости проходить *поль третьѣа ста* коло(д) ГрЮЗ № 38 (1386–1418)¹¹; избѣша ихъ *поль трѣты тысящѣ* ЛЛ ок. 1425, 219 об.¹²; ржи *пол третьѣа ста* копе(н) АСВР, I, № 90 (1432–1445).

⁸ С пропуском слога *-то-*.

⁹ Правда, это может быть и просто графическая мена *e = ъ*.

¹⁰ Форме из ГВНП № 11 можно дать разную объяснения.

¹¹ Т. е. 250.

¹² Т. е. 2500. По твердому образцу: *трѣты* вместо *трѣтыѣ*.

ИСТОЧНИКИ

АСВР – *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.*, т. 1–3, Москва 1952, 1958, 1964.

ГА XIV₁ – В. М. Истрин, *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. 1: Текст, Петроград 1920.

ГВНП (+ номер грамоты) – *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва–Ленинград 1949.

Гр 1371 (ряз.) – АСВР, III, № 322.

Гр 1397–1427 (белоз.) – АСВР, II, № 8.

Гр н. XIV (пск.) – ГВНП, № 332.

Гр ок. 1430 – АСВР, I, № 71.

Гр 1432–1445 – АСВР, I, № 90.

Гр 1467–1474 – АСВР, I, № 373.

ГрБ (+ номер грамоты) – *Грамоты берестяные*, [в:] Зализняк 2004.

ГрМ (+ номер грамоты) – *Московские грамоты XIV в.*, [в:] *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва–Ленинград 1950.

Гр ок. 1130 – *Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю*, [в:] С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, *Хрестоматия по истории русского языка*, ч. I, Москва 1952, с. 33.

ГрС (+ страница издания) – *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин, ред. Р. И. Аванесов, Москва 1963.

ГрЮЗ (+ номер грамоты) – *Грамоты XIV ст.*, упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак, Київ 1974.

ЖФСт к. XII – *Житие Феодора Студита*, [в:] *Выголексинский сборник*, изд. подготовили В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голыщенко, Москва 1977.

КН 1285–1291 – *Новгородская кормчая*, рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).

ЛИ ок. 1425 – *Ипатьевская летопись*, ПСРЛ, т. 2, Москва 1962.

ЛЛ 1377 – *Лаврентьевская летопись*, ПСРЛ, т. 1, Москва 1962.

ЛН – *Новгородская харатейная летопись*, издано под наблюдением М. Н. Тихомирова, Москва 1964; **ЛН XIII₂** – л. 1–118 об.

Надп XII – *Надпись на серебряной чаше*, [в:] Медынцева 2000, с. 117 (прорись).

Пал 1406 – *Паля толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.*, вып. 1–2, Москва 1892–1896.

ПНЧ к. XIV – *Пандекты Никона Черногорца*, рукопись ГИМ, Чуд., № 16 (по фотокопии).

ПС к. XI – *Синайский патерик*, изд. подготовили В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, Москва 1967.

ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*.

ПсЧ XI – В. Погорелов, *Чудовская Псалтырь XI в., отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе*, Памятники старославянского языка, т. 3, вып. 1, Санкт-Петербург 1910.

СБУ XII/XIII – *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва 1971.

СбЧуд к. XIV (1) – *Сборник Чудова монастыря*, рукопись ГИМ, Чуд., № 20 (по фотокопии).

УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV – *Устав Святослава Ольговича*, [в:] М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина, *Два памятника новгородской письменности*, Москва 1952, с. 28–30 (фото).

Уст к. XII – *Устав студийский церковный и монастырский, конца XII в.*, [в:] А. М. Пентковский, *Титикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Жолобов О. Ф.**, (1998), *Символика и историческая динамика славянского двойственного числа*, Beiträge zur Slavistik, Bd. 35, Frankfurt am Main.
- Зализняк А. А.**, (1995), *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Зализняк А. А.**, (2004), *Древненовгородский диалект*, изд. 2, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва.
- Медынцева А. А.**, (2000), *Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века)*, Москва.
- Comrie B.**, (1992), *Balto-Slavonic*, [in:] *Indo-European Numerals*, Trends in Linguistics. Studies and Monographs, Vol. 57, Berlin–New York, p. 717–833.
- Mucke K. E.**, (1891), *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-Wendischen) Sprache*, Leipzig.

Oleg F. Zholobov

PECULIARITIES OF THE HALF-PART COUNTING SYSTEM
IN OLD RUSSIAN

S u m m a r y

The article deals with the investigation of the half-part counting system in Old Russian. The half-part counting system is an Indo-European dialectism. In Old Russian it is constituted the word **polь* 'half' and the ordinal numeral in the genitive. The ordinal numeral in this case signified the anterior to the mentioned number of units. The article proves that the indefinite and definite forms of the ordinal numeral were strictly differentiated, not as the indefinite and definite forms of adjectives, which the ordinal numerals erroneously identified with. In the half-part quantitative only indefinite (nominal) forms of the numerals were used, and in other cases only definite forms were used. The half-part quantitative had being preserved in Old Russian sources of different styles and genres. The changes in it began in the late Old Russian period and they showed themselves in the influence of other compositive numerals.